

Профессора рассмеялись, встретить знакомого в чужой стране было действительно радостным событием, даже если этот знакомый выглядел немного молодым.

— Ха-ха-ха, из Хайдуна? Я тоже из Хайдуна, из Гуанши, можно сказать, земляки! — с улыбкой сказал профессор Мэн.

Ли Чжэн улыбнулся и повторил:

— Вам нужна помощь? Может, я смогу помочь. — Он чувствовал, что мог бы помочь Хуаго раньше внедрить полную и передовую производственную линию для лекарств.

Естественно, профессора и ученые не считали, что молодой человек вроде Ли Чжэна мог бы помочь. Профессор Мэн небрежно сказал:

— Сяо Чэнь хочет магнитофон для своей жены, чтобы она могла учить английский, но у него не хватает валюты.

Ли Чжэн задумался. Валюты? Да, в то время иностранная валюта выделялась по квотам на человека.

Он огляделся и увидел флаг с символом иены на небольшом здании неподалеку от универмага.

— Возможно, я смогу помочь, — с улыбкой сказал Ли Чжэн.

Под удивленными взглядами профессоров он повел их к зданию с флагом.

— Эй, мы не нарвались на мошенников? — тихо спросил один из ученых.

— Нет, у нас и так почти ничего нет. Да и этот парень говорит на хорошем пекинском диалекте, мы не можем сомневаться в своем соотечественнике.

Профессора, сомневаясь, последовали за Ли Чжэном к двери здания.

Ли Чжэн открыл дверь. Это была маленькая лавка. Первое, что бросалось в глаза, — низкий прямоугольный стол, за которым лежал татами. Сухой японский старик, прислонившись к столу, увидев Ли Чжэна и его спутников, вежливо улыбнулся.

— Поменяйте, пожалуйста, на иены, — Ли Чжэн достал десять долларов с портретом Бенджамина Франклина. Такие частные обменники, чтобы избежать рисков, принимали только основные международные валюты. В восьмидесятые годы ни китайский юань, ни сяньцзянская валюта не входили в их число.

Старик с легким удивлением посмотрел на молодого человека:

— Сейчас курс доллара к иене примерно 100 : 2 100, за тысячу долларов я могу дать вам 20 000 иен.

Ли Чжэн кивнул. Частные обменники, естественно, брали свою комиссию, 1 000 иен — это около 42 долларов, не так уж и дорого.

Старик, увидев, что Ли Чжэн согласен, с улыбкой передал пачку иен ему в руки. Он взглянул на сумки, которые несли китайские ученые, и сказал:

— Вы хотите купить бытовую технику? Вам не нужно идти в Гиндзу, там аренда дорогая, и

цены на товары выше. Я скажу вам, отойдите отсюда на восток, на третьем светофоре сверните, там есть рынок, где продают бытовую технику, цены там намного ниже.

Ли Чжэн немного замешкался, но понял суть сказанного:

— Спасибо вам, дедушка, — вежливо поблагодарил он.

Старик махнул рукой:

— Не за что, это местные знают.

Ли Чжэн закрыл дверь и повернулся к профессорам.

На лицах китайских ученых появилось недовольство. Переводчик, понимающий японский, перевел им слова старика, и радость от покупки бытовой техники у профессоров сразу улетучилась.

В восьмидесятые годы зарплата обычного профессора составляла около пятидесяти-шестидесяти юаней, что эквивалентно 700-900 иенам. Помимо выделенной государством валюты, они еще и обменяли свои сбережения на иены через знакомых. Теперь, когда они узнали, что переплатили, их настроение, естественно, ухудшилось. Но, из-за ученой гордости и уважения к стране, они не могли вернуть товары.

Ли Чжэн потрогал нос. Он, кажется, случайно испортил настроение старшим коллегам.

Благодаря присутствию Ли Чжэна, профессор Мэн и его группа быстро пришли в себя. Чэнь Аньбан с сомнением посмотрел на Ли Чжэна:

— Товарищ, у меня нет столько денег, чтобы обменять на твои иены.

Ли Чжэн улыбнулся, его узкие глаза искрились. Он указал на часы на руке Чэнь Аньбана:

— Обменяйте их на эти. — Часы на руке Чэнь Аньбана были изящными, но выглядели немного старомодно. На белом, слегка пожелтевшем циферблате было написано «Пять звезд», а в центре — «Сделано в Хуаго».

В 1955 году в Тяньцзине, Хуаго, были изготовлены первые китайские часы, «Пять звезд». В 1957 году название было изменено на «Первое мая». В будущем среди коллекционеров цена на часы «Первое мая» превышала шестизначную сумму, а часы «Пять звезд», просуществовавшие всего два года, стали практически бесценными. Ли Чжэн хотел эти часы не для коллекции или продажи, а просто как напоминание о фразе «Сделано в Хуаго».

Чэнь Аньбан открыл рот. Эти часы были ему переданы от отца, им было около тридцати лет. Если бы не финансовые трудности, он бы уже сменил их на «Шанхайские» часы, как его коллеги.

— Товарищ, они не стоят таких денег. Давай я напишу тебе расписку... — на этом Чэнь Аньбан сам запнулся.

— Ладно, не будем покупать. Пусть она сама учится по книгам, магнитофон ей не нужен, — Чэнь Аньбан махнул рукой, как будто это было неважно.

— Первые часы, сделанные в Хуаго, для меня они ценнее, чем эта пачка иен. Если для вас они не имеют особого значения, я прошу вас обменять их на меня. Пусть это будет напоминанием,

— голос Ли Чжэна был тихим, но его слова задели сердца ученых.

Профессор Мэн внимательно посмотрел на Ли Чжэна:

— Сяо Чэнь, обменяй с ним. Этот товарищ с добрыми намерениями.

Чэнь Аньбан, хотя и чувствовал неловкость, но, увидев серьезное выражение Ли Чжэна, с улыбкой снял часы:

— Если когда-нибудь приедешь в Хуаго, приходи в университет Хуацин, я верну тебе деньги.

Ли Чжэн взял часы и сразу надел их на руку:

— Всегда рад видеть вас, чтобы вернуть ваши часы.

После обмена валюты Ли Чжэн не пошел с китайскими учеными на рынок бытовой техники. В общении между людьми важно соблюдать постепенность, слишком большая услужливость может быть неуместной.

— Уррр... — живот Ли Чжэна заурчал, он потерял его.

Угорь, угорь...

На следующий день шестеро сели в машину отеля и отправились к месту проведения конференции.

Сюй Миншэн, знающий дорогу, провел их через холл к двери с надписью на японском и английском: «Азиатская конференция по биофармацевтике».

— Заходите, наши места должны быть в первом или втором ряду, — с улыбкой сказал Сюй Миншэн.

Ли Чжэн, следуя за остальными, прошел через большую часть зала, его взгляд скользнул по уже занятым местам, и вдруг встретился с удивленным взглядом. Ли Чжэн вежливо улыбнулся профессору Мэну, который с широко открытым ртом смотрел, как Ли Чжэн проходил мимо их мест и сел в первых рядах.

— Лао Хэ, посмотри, это тот товарищ, которого мы встретили вчера? — профессор Мэн толкнул профессора Хэ.

Профессор Хэ встал как раз, чтобы увидеть, как Ли Чжэн садится.

— Эй? Это действительно он! Тот парень из Хайдуна! — уверенно сказал профессор Хэ.

Китайские ученые переглянулись. Чэнь Аньбан тихо сказал:

— Это же место университета Сянцзяна.

Сянцзян... Вокруг них повисло тяжелое молчание. Это слово всегда имело особое значение в сердцах китайцев.

Через некоторое время профессор Мэн наконец произнес:

— Глава Дэн сказал, что Сянцзян обязательно вернется!

— Да, да, Сянцзян обязательно вернется!

— Этот товарищ, находясь в Сянцзяне, не забывает о родине. С такими людьми, как он, Сянцзян обязательно вернется!

С другой стороны, Сюй Миншэн, просматривая программу конференции, с улыбкой сказал:

— Это Ричард из Лондонского университета. Он был номинирован на Нобелевскую премию два года назад, не ожидал, что его пригласили в качестве гостя.

Будучи также под управлением Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Сюй Миншэн и Ричард не раз пересекались.

— Первый научный доклад будет от лаборатории Лондонского университета, это будет непросто.

<http://bllate.org/book/17704/1653471>